

#4loveseasons

ЮИ МОРИСАВА

ТО, ЧТО Я ОСТАВЛЮ СЕБЕ

 KYOTO
JAPAN

18+

Юи Морисава

То, что я оставляю себе

«Автор»

2026

Морисава Ю.

То, что я оставляю себе / Ю. Морисава — «Автор», 2026

Эта книга — для вашей осени. Для вечеров с чаем, неспешных прогулок и маленьких радостей, которые не обязательно выкладывать в соцсети. Киото, тёплый сентябрь. Девятнадцатилетняя Мио умеет превращать обычное утро в идеальный ролик. Но когда рядом появляется Тору — врач, который не следит за её публикациями, — ей впервые хочется прожить красивый момент, не показывая его никому. Смешные свидания, маленькие кафе, прогулки у реки, совместные ужины и страстные ночи. А ещё — работа, деньги и чужие ожидания: отказаться от привычной роли оказывается сложнее, чем выключить камеру. Читая «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон, Мио составляет свои списки радостей и решает, что хочет оставить только себе. Внутри — осенние иллюстрации к каждой главе и QR-код плейлиста «Осень в Киото · #4loveseasons» в Яндекс Музыке. Включайте его во время чтения — пусть настроение книги остаётся с вами и после последней страницы.

© Морисава Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Музыка этой осени	5
Глава 1. То, что хорошо смотрится у окна	6
Глава 2. Осень должна быть заметна	11
Глава 3. Очень удачно получилось	16
Глава 4. Цветы до трёх	21
Глава 5. Четыре стебля	26
Глава 6. Бабушка читала иначе	31
Глава 7. Бережно, но к среде	36
Гл	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юи Морисава

То, что я оставлю себе

Музыка этой осени

#4loveseasons

Включайте с книгой — и после последней страницы.

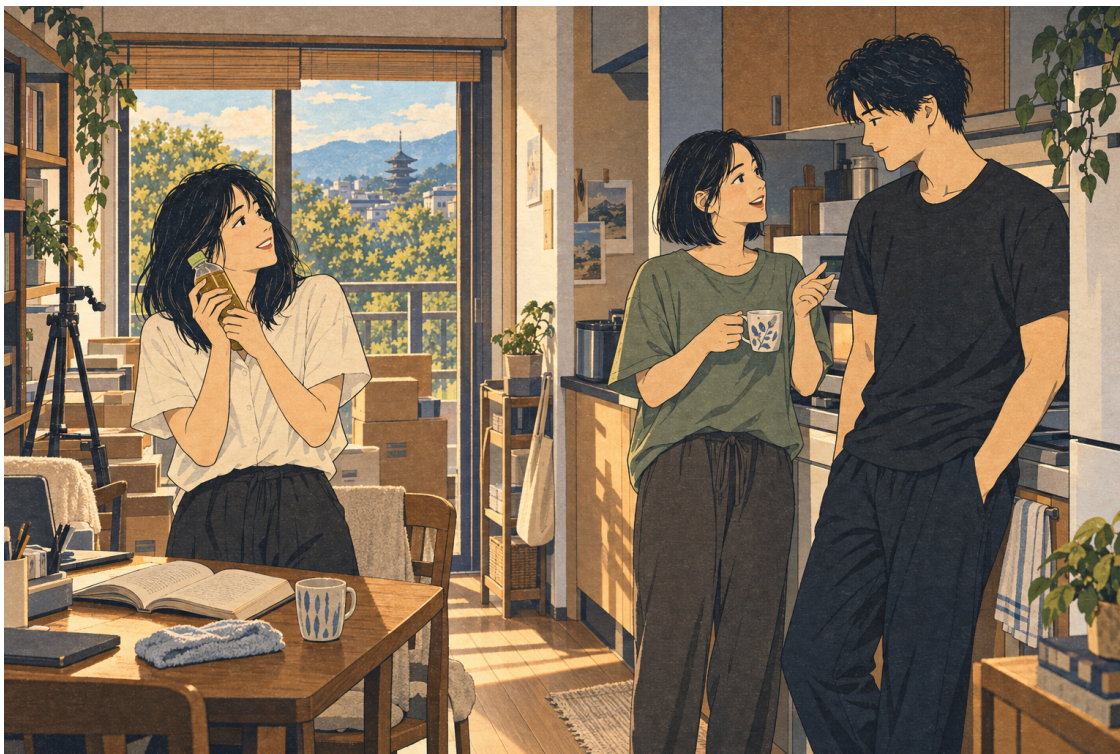
Осенний Киото, тёплый чай и прогулки у реки. Мы собрали музыку к истории Мио и Тору — для чтения, дороги домой и вечеров, которые хочется немного продлить.

[Осень в Киото · #4loveseasons — слушать в Яндекс Музыке](#)

Сохраните плейлист себе и отправьте тому, с кем хочется разделить эту осень.

Глава 1. То, что хорошо смотрится у окна

К двум часам дня у меня было семь фотографий тихого утра и ни одной чистой чашки. Рика стояла посреди комнаты с мокрым полотенцем на голове. Полотенце принадлежало мне. Голова, судя по выражению лица, больше не принадлежала никому.

— Ещё один заход, — сказала я.

— Куда?

— С книгой.

— Mio, я знаю слово «заход». Я спрашиваю, куда ты собралась заходить. Солнце уже в соседней квартире.

Я посмотрела на окно. Свет и правда добрался до человека, который жил напротив. Человек стоял в майке, пил что-то прямо из бутылки и не представлял, насколько удачно освещён.

В моей комнате оставалась узкая полоса на полу. Чтобы снять книгу в этой полосе, требовалось лечь рядом со штативом и повернуть чашку ручкой к стене. Тогда капля на краю становилась видна, а скол на глазури — нет.

— Снизу, — сказала я. — И немного сдвинем стол.

Рика поправила сползшее полотенце.

— Снизу у нас твоя жизнь.

Под столом лежали три зарядки, открытая коробка с увлажняющими масками, ножницы и пакет, в котором размораживались два онигири. Я заказала их с доставкой, глядя на картинку, и обнаружила слово «замороженные» уже на собственной кухне. Признаться в этом Рике я не успела, и теперь было поздно. Она уже считала, что у меня есть план питания.

Я отодвинула пакет ногой.

— До края не дойдёт.

Мы подвинули стол. Он упёрся в сушилку. На сушилке висела моя единственная наволочка, не вызывающая у Эри возражений. Эри называла этот цвет натуральным. В магазине он назывался серым, и это казалось мне более дружелюбным отношением к покупателю.

Рика поставила камеру ниже.

— Обложку показываем?

На столе лежали «Записки у изголовья». Бабушка подарила их мне на двадцатилетие. Внутри была надпись: «Мио. Здесь не обязательно начинать с начала».

Я воспользовалась разрешением так широко, что за три года прочитала в основном середину одной главы и все бабушкины пометки. Она карандашом ставила рядом с абзацами маленькие кружки. Возле одного написала: «Твоя мать». Возле другого — «Я тоже». Что именно она имела в виду, я собиралась выяснить при следующем удобном разговоре. Удобных разговоров у нас было много, но они почему-то всегда оказывались про то, поела ли я.

— Покажем, — сказала я. — Только не слишком явно.

В задании было написано: «Книга должна отражать личность, а не создавать впечатление интеллектуального усилия».

Я перечитала эту фразу, когда пришла правка, и отправила Рике без комментария. Рика ответила фотографией выключенного телевизора.

Заказчик продавал чашки. Против интеллектуального усилия у чашек, насколько я могла судить, возражений не было.

Я раскрыла книгу на странице с короткими записями, опустила руку к полю и чуть согнула указательный палец. Ногти были молочного цвета. Вчера один сломался, и теперь приходилось держать кисть так, словно последняя фаланга мизинца меня чем-то оскорбила.

— Читай, — сказала Рика.

Я стала читать.

У Сёнагон женщина отправила стихотворение и только после отправки придумала, как улучшить пару знаков.

Я подняла глаза.

— Ты посмотри.

— Смотрю. Руку верни.

— Нет, здесь. Она уже отправила, а потом сообразила, что надо было иначе.

— У неё тоже заказчик проснулся?

Я рассмеялась и сдвинула чашку локтем. Чай полился на стол. Рика успела схватить книгу, я — чашку, а полотенце, которому предстояло спасти всё остальное, осталось лежать у неё на голове.

Несколько секунд мы молча смотрели, как коричневая лужа ползёт к краю.

— Зато не было впечатления усилия, — сказала Рика.

Я выдернула у неё полотенце.

Чай был вчерашний. Для цвета он годился. Пить я его не собиралась, хотя в подписи уже было: «Медленно допиваю утреннюю чашку».

Когда стол высох, хороший свет окончательно ушёл. Мы выключили камеру.

— Напишешь про день, — сказала Рика.

— В брифе утро.

— Так у людей узнаем, заметили ли они.

Она села на пол и потянулась к пакету.

— Они ещё холодные, — предупредила я.

— Прекрасно.

— Внутри.

Рика посмотрела на меня. Я посмотрела на свои ногти.

В дверь позвонили.

Я сразу поднялась. Возле входа стояли коробки, которым в моей квартире официально не полагалось существовать. В пятницу я снимала видео о том, как освобождать пространство. Коробки на время переехали в ванную, а вечером вернулись с таким видом, будто тоже имели право на дом.

— Это мой брат, — сказала Рика. — Я предупреждала.

— Когда?

— Когда ты спросила, не слишком ли умно лежит палец.

За дверью стоял мужчина с велосипедным шлемом в руке. На лбу у него осталась красная полоса. Я почему-то сначала заметила её, потом тёмные волосы, потом две бутылки холодного чая. На бутылках взгляд задержался.

— Морита, — представился он.

Я тоже назвала фамилию. Он посмотрел мимо меня на коробки.

— Здесь можно пройти?

— Теоретически.

— Тогда я останусь пока в теории.

Рика крикнула из комнаты:

— Заходи. Только не наступи на свет.

Он посмотрел вниз.

— Уже поздно.

Снял кроссовки, поставил их носками к выходу и протиснулся боком между штативным чехлом и коробкой. Ростом он оказался выше, чем мне представлялось в дверном проёме. Простая тёмная футболка была влажной у воротника. Приехал человек, который действительно находился снаружи, и вместе с ним в квартиру проник запах нагретой улицы.

Рика протянула руку за одной бутылкой. Он обе отдал мне.

— Она сказала, у вас тут тихое утро.

— Утро закончилось до твоего прихода, — объяснила Рика. — Как всё хорошее.

— Я за насосом.

— Под раковиной.

Он не стал уточнять. Видимо, в семье Морита насос под раковиной считался достаточным объяснением.

Я принесла стаканы, но он уже отвернул крышку и пил из бутылки, придерживая шлем коленом. Мне понравилось, как он это делал. Без красивого запястья. Сильно запрокинув голову. Закончил, выдохнул и только потом посмотрел на стол.

— Ходзича? — спросил он.

— Была, — ответила Рика.

Я прикрыла мокрый край полотенцем.

— Ты тоже снимаешь? — спросила я.

— Нет.

— Монтируешь?

— Креплю полку, если нормально размечено.

Рика сунула ему в руку маленький насос.

— Он врач. Это у них профессиональное. Сначала выяснить, кто на самом деле размечал.

Морита повернул насос, проверил насадку. Я попробовала совместить врача с красной полосой от шлема. Получалось. Только ничего полезного для разговора из этого не следовало.

— А ты работаешь с Рикой? — спросил он.

— Иногда она работает со мной.

— Когда Мио платит вовремя, — сказала Рика.

— Я плачу вовремя.

— Вот поэтому иногда.

Его взгляд задержался на раскрытой книге.

Рика оставила книгу открытой на первой странице. Он прочитал посвящение.

— Тебе подарили? — спросил он.

— Моя бабушка.

Он аккуратно отодвинул бутылку, чтобы с неё не натекло на бумагу.

Я заметила это уже после того, как он убрал руку.

Рика достала онигири из упаковки, откусила и замерла.

— Камень, — сообщила она.

Морита наклонился посмотреть.

— Ты опять?

— На этот раз не я.

Он перевёл взгляд на меня, и я зачем-то сказала:

— Там очень красивый завтрак получился.

— Я не сомневаюсь.

Он сказал это так спокойно, что я не поняла, смеётся ли надо мной. Затем взял пакет, прочитал упаковку и показал на микроволновку.

— Можно?

— Она заставлена, — предупредила я.

— Вижу.

На микроволновке лежали мой кошелёк, деревянная ложка, моток лески и маленькая чашка, не прошедшая отбор за излишнюю белизну. Он ничего не передвинул без спроса. Рика поднялась и сама убрала вещи. Стало тесно втроём, мы несколько раз уступили друг другу одну и ту же половину кухни, а потом мне пришлось выйти, потому что я смеялась и мешала.

Пока еда грелась, Морита спросил сестру, заберёт ли она вечером кабель. Она сказала, что заберёт завтра. Потом они обсудили какую-то семейную покупку, в которой отец перепутал сантиметры с размером коробки. Это был короткий, не предназначенный для меня разговор. Я стояла у стола с холодной бутылкой у щеки и с удовольствием его слушала.

Телефон завибрировал.

Эри прислала расписание на завтра. Встреча с Каем в семь двадцать. Волосы и макияж — с шести. Первый парный кадр — семь сорок пять. К десяти надо было успеть сменить место, потому что осень хотелось снять с двух сторон.

Следом пришло голосовое от Кая.

Я прижала телефон к уху.

— Мио, завтра бы без этого твоего лица, хорошо? Клиент хочет тепла. Я сегодня с Эри говорил. Давай уже нормально поработаем вместе.

Слово «нормально» прозвучало с тем мягким нажимом, который Кай оставлял для сообщений без свидетелей.

Я остановила воспроизведение.

Морита вернулся с тарелкой. Она была горячая, и он нёс её, прихватив полотенцем, которое мы всё ещё не успели отправить в стирку.

— Этим краем не надо, — сказала я. — Там чай.

Он перехватил тарелку.

Мы с Рикой уселись прямо на пол. Её брат остался ещё на минуту, потом поднялся: ему надо было ехать. На пороге нашёл свой шлем под сумкой, надел, снова снял — перекрутился ремешок.

— Тору, — сказала Рика, — это Мио. Я тебе говорила.

— Мы уже познакомились.

— Нет, Мио.

Она показала на меня так, будто сейчас произнесёт название сложного прибора.

Тору ещё раз посмотрел мне в лицо.

— Понятно, — сказал он.

Не было заметно, что ему стало понятнее.

Когда дверь закрылась, я спросила:

— У него вообще есть интернет?

— Есть. Он мне вчера прислал инструкцию к насосу.

Рика разгладила смятый пакет, сложила его пополам и потянулась за вторым онигири.

— Не расстраивайся. Он и меня не смотрит.

Вечером я выбрала фотографию. На ней книга лежала ровно, пальцы выглядели непри-
нуждённо, а чашка была полна. Всё было как надо, кроме подписи. Вместо утренней пришлось
написать: «Нахожу время для простых вещей».

Я отправила материал на согласование, поставила будильник и открыла заметки.

На пустой странице написала:

То, что хорошо смотрится у окна.

Чашка, из которой давно никто не пьёт.

Книга, которую успеваешь прочитать, пока ловят свет.

Человек напротив, не знающий, что на него смотрят.

Я перечитала. Третья строка меня смутила. Она звучала так, словно я стояла у окна с
биноклем. Удалила её, набрала «Кошка», вспомнила, что кошки у меня нет, и удалила тоже.

В спальне ждал матрас с голой подушкой. Наволочка так и не высохла. Я постелила на
неё чистую футболку, положила рядом бабушкину книгу и легла.

Через минуту пришло сообщение Эри:

«Очень красиво. Только можем сделать так, чтобы ты действительно читала?»

Я перевернулась на бок. Из-за двери доносился ровный шум кондиционера. Под локтем
хрустнула бумага — в постель попал чек из магазина.

У меня оставалось пять часов до будильника. Читать по-настоящему я решила завтра.

Глава 2. Осень должна быть заметна

Кай приехал в тёмно-зелёной рубашке и с двумя людьми, которые несли вещи, необходимые ему для непринуждённости.

Один держал отпариватель. Второй — его завтрак.

— Ты уже ела? — спросил Кай, обнимая меня.

Я убрала прядь, попавшую ему в рот.

— Нет.

— Я тоже не успеваю. Просто ужас.

Он взял у помощника стакан и сделал большой глоток. Объятие продолжалось, потому что телефон в руке Эри ещё был направлен на нас. Кай привычно положил ладонь мне на затылок. Я не любила эту ладонь. В кадре она производила впечатление защиты, а на деле мешала отодвинуться.

— Красиво, — сказала Эри. — Ещё секунду.

Я улыбнулась.

Мы снимали в доме, который сдавали для небольших мероприятий. С улицы он выглядел старым и сдержанным; внутри у каждой розетки лежал удлинитель. По коридору ходил хозяин в носках с жёлтыми утками. Он боялся, что мы поцарапаем пол, и просил не приклеивать ничего к стенам. Эри обещала. Человек с отпаривателем сразу спрятал за спину рулон ленты.

Вчера вечером мне прислали финальную концепцию: «Первый прохладный день. Вместе выбираем замедление».

Утро только начиналось, но прохладный день уже вызывал сомнения. Кожа на спине сделалась липкой за время дороги. Женщина, которая укладывала мне волосы, включила маленький вентилятор и поставила так, чтобы он не сдувал чёлку.

— Сейчас проще, чем летом, — сказала она.

Мы обе посмотрели на кардиган, лежавший на стуле.

— В смысле, чем в августе, — уточнила она.

Я поблагодарила её за эту мысль.

Сначала снимали стол. Две чашки, деревянная доска, нарезанный хлеб, маленькая тарелка с маслом. Рядом — светлый шарф, слегка небрежно упавший с края. Я поправила его так, чтобы не загораживал чашку.

— Не трогай, — сказал фотограф.

— Он перекрывает знак.

Фотограф подошёл, посмотрел в камеру и молча поднял шарф обратно.

В такие моменты мне всё ещё нравилась моя работа. Я видела, что нужно убрать, до того, как замечали остальные. Знала, на какую высоту поставить чашку, чтобы пальцы выглядели естественно, и как снять одну вещь рядом с другой, не делая из них инвентарную опись. Могла предложить три решения за время, пока кто-нибудь говорил, что решение должно быть свежим.

Кай тоже был хорош.

Он вошёл в кадр, не задел край стола, вовремя повернулся и рассмеялся точно в ту секунду, когда поднял на меня глаза. С ним было легко работать, если забыть, что всё остальное время приходится с ним разговаривать.

— Скажи ей что-нибудь, — попросил фотограф.

— Ты мне вчера не ответила, — сказал Кай, не переставая улыбаться.

Я наклонила голову, как будто услышала нежность.

— Я спала.

— В половине десятого?

— Иногда бывает.

— Ты же была в сети.

Щёлкнул затвор.

Я посмотрела в чашку. Там не было чая. Чай наливали только для кадров сверху, потому что я уже однажды пролила его на чужой рукав. После этого наши живые завтраки стали снимать пустыми.

— Отлично, — сказал фотограф. — Вот это задумчивое оставь.

Кай чуть сжал мою талию.

— Сегодня вечером поедem ко мне.

— Нет.

— У тебя всегда нет.

— Потому что ответ не изменился.

Его лицо осталось тёплым и внимательным. Я смотрела на него с расстояния, с которого хорошо видны отдельные волоски на щеке, и думала, что людям, способным нравиться без перерыва, должны выдавать предупредительную наклейку.

— Повернись к нему, Мио, — сказала Эри.

Я повернулась.

Мы познакомились по-настоящему в переговорной агентства, хотя подписчики считали, что на выставке керамики. На выставке мы действительно были. Через две недели после переговорной. Нам заранее сообщили, где стоят камеры и сколько времени надо выбирать одну и ту же пиалу.

Сначала всё казалось почти безобидным. Несколько совместных материалов, чуть больше внимания друг к другу, никакого прямого заявления. Мы были красивы вместе. Эри произнесла это с таким удовлетворением, словно нашла две детали мебели одинаковой высоты.

Я согласилась, потому что кампания была большой. Потому что устала сама искать заказы. Потому что Кай в первые дни вёл себя вежливо и спрашивал, удобно ли мне. Потому что никто не просил меня влюбляться.

Потом появились сообщения с сердечками, общая рубрика, предложения снять ужин. В комментариях нас уже поженили, расстали, снова поженили и решили, что я беременна, потому что однажды держала сумку перед животом. Агентство отвечало за график, Кай — за наши публичные чувства, а я всё пыталась вспомнить, в какой момент последняя часть стала обязательной.

Мы закончили кадры за столом. Мне дали восемь минут, чтобы переодеться.

Я сняла кардиган, вытерла спину салфеткой и достала из сумки батончик. Он размягчился и прилип к обёртке. Пока я отделяла один край, помощница постучала: нас ждали во дворе.

— Сейчас, — ответила я.

Батончик остался на подоконнике. Я решила съесть его после.

Во дворе была небольшая полоса тени, гравий и дерево в большой кадке. Листья на нём были зелёными. Это не устраивало концепцию, поэтому кадр строили так, чтобы дерево не попадало целиком.

Мне дали сумку, Каю — плед. Мы должны были выйти из дома, остановиться у ступеньки и переглянуться, будто впереди у нас долгий свободный день.

Свободного дня ни у кого не было. У Кая после обеда была другая съёмка. У меня — три коротких видео в помещении этажом выше. Помощник фотографа уже предупредил, что к вечеру должен забрать ребёнка. Единственным человеком, который никуда не торопился, был хозяин. Он сел у входа и наблюдал за своим полом.

Первый проход получился хорошо, но на заднем плане проехала машина. Второй — тоже хорошо, но я посмотрела слишком рано. На третьем плед развернулся этикеткой наружу. На четвёртом Кай остановился так близко, что я наступила ему на носок.

— По-настоящему, — сказал он сквозь зубы. — Ты можешь хоть один раз по-настоящему?

Я отступила.

Волосы под заколкой тянули кожу. На виске выступила капля пота. Я чувствовала, как она медленно движется к уху, и почему-то не могла ни о чём другом думать.

— Мне нужна минута, — сказала я.

— Давайте все попьем, — предложила визажистка.

Фотограф опустил камеру. Кай пошёл в дом. Эри посмотрела на расписание, но ничего не возразила.

Я взяла бутылку, открутила крышку. Вода была тёплой. Сделала несколько глотков и села на ступеньку, придерживая сумку на коленях, чтобы не испачкать.

Телефон лежал в наружном кармане. На экране было сообщение от Рики: «Проверила вчерашнее. У тебя на лучшем кадре чай уже на столе. Никто не заметит, но я знаю».

Я хотела ответить. Буквы поплыли. Я моргнула, подняла глаза и увидела двор как будто через слишком яркое стекло.

— Mio?

Кто-то произнёс моё имя.

Я подумала, что надо встать. Если сидеть, команда будет ждать, и всё сдвинется ещё дальше. Сумку положила рядом, но рука не сразу отпустила ремешок.

Это последнее, что я помню из двора.

Дальше были куски.

Камешки, очень близко к лицу. Женский голос, который велел кому-то отойти. Тень над глазами. Человек спрашивал меня, слышу ли я его. Я хотела объяснить, что слышу всех, просто не понимаю, кому отвечать первым.

Потом потолок. Другой. Светлый, с длинным прямоугольником лампы.

— Саэки-сан, — сказала женщина. — Вы в больнице.

Я открыла глаза. Она была в очках. На кармане виднелся бейдж, который я не могла прочитать.

— Меня зовут Кобаяси. Как вы себя чувствуете?

— Я испачкала сумку?

Женщина чуть наклонилась.

— Сумка здесь. Сейчас давайте про вас.

Я повернула голову. На соседнем стуле стоял прозрачный пакет с моими вещами. Из него торчала зелёная ручка. Сумку не испачкали.

Мне стало так стыдно за облегчение, что я закрыла глаза снова.

Кобаяси говорила спокойно и задавала вопросы по одному. Что я помню. Было ли такое раньше. Когда ела. Какие лекарства принимаю. Я отвечала и постепенно слышала собственный день как рассказ о другой девушке, с которой следовало бы поговорить ещё утром.

На некоторые вопросы я пыталась отвечать кратко и удачно.

— Сплю нормально.

— Сколько часов в последние ночи?

— По-разному.

Она ждала.

— Сегодня около четырёх.

— А до этого?

Я поправила край простыни.

После осмотра и первых обследований Кобаяси объяснила, почему хочет оставить меня под наблюдением. Обстоятельства съёмки могли иметь значение, но делать окончательный вывод было рано. Она ещё раз спросила, не было ли такого прежде. Я ответила, что не было, и зачем-то добавила: «Честно».

Я кивнула. Очень хотелось, чтобы существовало короткое слово, которое всё это объединит и избавит меня от необходимости перечислять.

Когда мне вернули телефон, он был горячий.

Девять пропущенных от мамы. Сообщения от Рики. Два от Эри. Одно от Кая: «Как ты? Мы уже выложили, люди очень переживают».

Я нажала на уведомление.

На экране я лежала в полутени. Видно было только край моего лица и руку Кая, державшую мою. Большой палец у него лежал поверх моих пальцев, ровно там, где обычно показывают обручальное кольцо. Кольца не было. Было очень убедительное обещание его будущего появления.

«Главное сейчас — восстановиться. Всё остальное подождёт».

Внизу двигались сообщения.

«Пожалуйста, береги её».

«Вот что значит настоящий мужчина».

«Я плачу».

«Она даже без макияжа красивая».

На мне был макияж, который наносили с шести утра. Только одна ресница отклеилась в углу.

Я приблизила фотографию. Хотела понять, когда он успел её сделать. Потом заметила, что в зеркальной поверхности за его плечом видна часть чужого телефона. Снимал кто-то другой.

Я лежала и рассматривала композицию.

Кобаяси вернулась с медсестрой. Попросила убрать телефон на время разговора. Я положила его экраном вниз, а он сразу зажуужжал под ладонью.

— Кто-нибудь сможет привезти вам необходимые вещи? — спросила она.

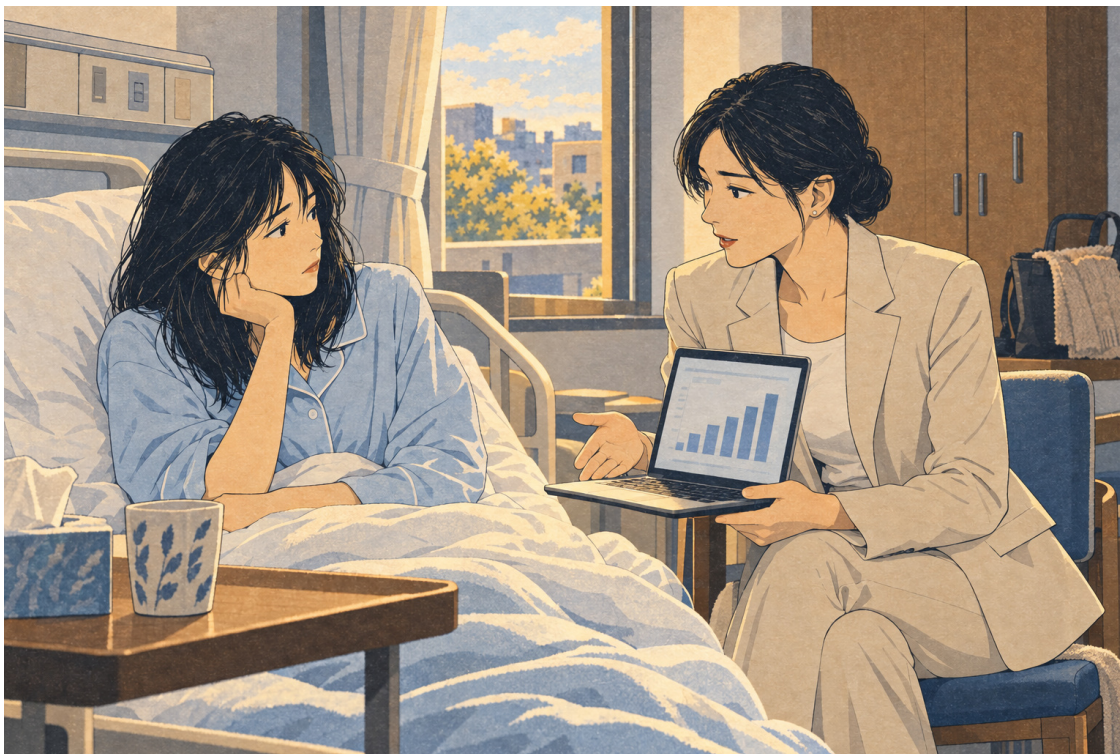
Я хотела назвать Эри. Она всегда знала, что мне необходимо. Потом увидела новое сообщение Рики, возникшее на краю экрана:

«Не отвечай всем. Мне напиши номер палаты. Привезу трусы».

— Да, — сказала я. — Подруга.

И впервые за день ответила сразу, ничего не исправляя.

Глава 3. Очень удачно получилось

Утром мама позвонила раньше завтрака.

— Ты говоришь нормально, — сказала она.

— А должна как?

— Не знаю. В интернете ты выглядела ужасно.

— Спасибо.

— Я не про красоту, Мио. Я испугалась.

Её голос изменился на последнем слове. Я перестала искать отражение в тёмном экране телевизора.

— Прости.

— За что?

— Что ты оттуда узнала.

На другом конце что-то звякнуло. Мама уже была в салоне. Наверное, переставляла чашки перед первым посетителем, хотя могла бы дать чашкам постоять ещё немного.

— Я вчера набрала Эри, — сказала она. — Она сказала, что ты отдыхаешь и нельзя беспокоить.

— Мне можно было написать.

— Я писала.

Я видела все её сообщения. Сначала «Где ты?», потом «Что произошло?», потом «Мио, ответь», потом фотографию моего окна, сделанную с улицы. Она приезжала к квартире. Название больницы узнала гораздо позже. Зато успела прочитать четыре разных сообщения незнакомых людей о том, что случилось с её дочерью.

— Я приеду после работы, — сказала мама.

— Не надо отменять клиентов.

— Я не собиралась их отменять. Я сказала — после.

Это было справедливо. Я с такой готовностью отбивалась от её заботы, что иногда начинала раньше, чем забота успевала приобрести форму.

Мне принесли завтрак. Разговаривая, я сняла крышку с миски и увидела пар. Мама услышала стук посуды.

— Ешь. Я потом.

Мы попрощались, и я некоторое время держала телефон над подносом. Свет падал слева. На белом рисе он был слишком ярким, зато у края миски получалась красивая мягкая тень.

Я опустила руку.

Потом всё-таки подняла и сняла.

Никому не отправила. От этого завтрак не стал вкуснее, но и хуже не стал. Я поела, пока он был горячий.

Эри появилась в начале времени посещений. С собой у неё была сумка с моей одеждой, пакет с принадлежностями и маленький ноутбук.

— Как ты?

Она спросила без телефона в руке. Я была ей благодарна.

— Уже лучше.

— Цвет вернулся. Хорошо. Очень хорошо.

Эри поставила сумку рядом со шкафом и присела на стул. На ней был светлый костюм, такой тонкий, что в городе я всегда боялась за его судьбу. Она умела проходить мимо еды, транспорта и других людей, сохраняя этот костюм светлым. Суперспособность, которую никто почему-то не предлагал монетизировать.

— Завтрашнее отменили, — сказала она. — И воскресенье тоже.

Я выдохнула.

— Спасибо.

— Я всё возьму на себя. Сейчас важно нормально восстановиться.

Мне захотелось заплакать. Не сильно. Просто на несколько секунд перестать держать лицо, пока рядом есть взрослый человек, который умеет разговаривать с заказчиками.

Эри достала салфетки и положила мне под руку. Не открыла. Оставила так, чтобы можно было взять незаметно.

Потом повернула ноутбук.

— Посмотри только на это.

На экране появилась диаграмма.

Вчерашний день стоял высокой синей колонкой. Остальные дни были ниже и, кажется, сами не понимали, что сделали не так.

— Семь тысяч за ночь, — сказала Эри. — Чистого прироста. Давно такого не было.

Я посмотрела на неё.

— Кай выложил без меня.

— Он переживал.

— Он мог сначала спросить.

— Согласна. Я с ним поговорю. Сейчас не будем из-за этого нервничать, хорошо?

Эри закрыла график и открыла подборку сообщений. Там были пожелания выздоровления, длинные рассказы о собственных трудных неделях, рисунок девушки с чашкой в руках. Я узнала себя по чёлке и родинке, которую художница перенесла на другую сторону лица. Наверное, рисовала по отражённому видео.

— Видишь? — сказала Эри. — Они тебя любят. Очень.

Я видела. От этого было сложнее злиться.

— Мне не хочется сейчас сниматься.

— Никто не просит съёмку. Просто коротко сказать, что всё хорошо. Иначе будут думать неизвестно что.

— А если не всё?

Она оторвалась от экрана.

— Что именно?

Я не знала, как ответить. Врач не сообщила ничего страшного. Мне было лучше. Завтрак я съела. У меня действительно были основания успокоить людей. Но между этим и готовностью сейчас благодарно улыбнуться существовало какое-то расстояние, которое Эри не замечала.

— Я устала, — сказала я.

— Конечно. Именно об этом и можно поговорить. Ты имеешь право уставать.

Эри сказала это так убедительно, что я едва не согласилась сразу.

Она уже печатала.

— «Учусь быть бережнее к себе». Нет, слишком общее. Может быть: «Оказывается, отдых тоже нужно...»

— Эри.

Она подняла глаза.

— Не сейчас.

— Хорошо.

Ноутбук закрылся без обиды. Эри умела не обижаться на короткий срок.

— Вернёмся к этому позже. И всё-таки, Мио, в каком-то смысле тебе очень повезло.

Я ждала.

— Все увидели живого человека. Ты год пыталась выйти из красивых подборок. А здесь — настоящая история. Твой звёздный час может выглядеть совсем не так, как ты представляла.

За окном на техническом балкончике сидела птица. Она долго поворачивала голову, потом резко наклонилась и что-то вытащила из водостока. Я смотрела на неё, пока Эри говорила. Птица не знала, насколько хорошо у меня всё получилось.

— Не называй это так, — попросила я.

Эри помолчала.

— Прости. Плохое слово.

Она убрала ноутбук, спросила, удобна ли подушка, и предложила принести другую. Я сказала, что эта нормальная.

В дверях мы столкнулись с медсестрой Киноситой. Та остановила Эри прежде, чем она успела пройти мимо.

— Саэки-сан, — обратилась Киносита ко мне, — у вас сегодня несколько посетителей?

— Не знаю.

Эри сказала:

— Только самые близкие.

— Тогда передайте, пожалуйста, что по очереди. И никаких съёмок персонала, других пациентов или коридора. Мы уже объясняли вчера.

— Конечно, — сказала Эри. — Ни в коем случае.

Киносита посмотрела на меня, дожидаясь моего ответа.

— Я поняла.

Мне вдруг понравилось, что она ждала именно меня.

После ухода Эри в палате стало слышно часы. До этого я не замечала, что они тикают. Не каждые часы заслуживают отдельного открытия, но этим удалось.

Я достала из принесённой сумки футболку. Под ней лежала косметичка, а в боковом кармане — маленькое зеркало с подсветкой. Заряженное. Эри была внимательной. Если бы мне действительно хотелось сниматься, она предусмотрела всё.

Рика пришла позже и сразу поставила пакет не туда.

— Не на кровать, — сказала Киносита, заглянувшая следом.

— Простите.

Рика перенесла его на стул.

— И нас сейчас трое?

За её спиной стоял Тору.

На этот раз в светлой рубашке и с двумя аккуратно сложенными бумажными пакетами. Он не проходил дальше порога, пока Киносита не сказала, что на несколько минут можно. Бейджа на нём не было.

Я зачем-то пригладила волосы.

— Я уже знаю про пакет, — сказал он.

— А про пациента? — спросила Рика.

— Ты сказала, пациент ест и спорит.

— Тогда точно знает, — согласилась я.

Тору положил пакеты на полку. В одном была новая одежда, которую Рика забрала из моего дома. В другом — книга и зарядка.

— Это я выбирала, — предупредила Рика. — Он только нёс. У него ужасный вкус в книгах.

— Ты ни одной не читала.

— Я видела обложки.

Я потянулась за «Записками». Рика раскрыла их передо мной, чтобы показать, что бумага после пролитого чая почти не пострадала. На краю осталось маленькое волнистое пятно. Я провела по нему пальцем.

— Оказалось, у тебя есть пижама, — сказала она. — Просто она хранится отдельно. Штаны в шкафу, верх на спинке стула, объяснение этой системы нигде не нашла.

— Это сезонное разделение.

— Ага. Один сезон — чистое, другой — уже не очень.

Тору смотрел в окно и улыбался, не вмешиваясь. Улыбка начиналась у него раньше, чем я понимала, что он вообще слушает. От этого всё время хотелось сказать ещё что-нибудь.

— Вы здесь работаете? — спросила я.

Я так и не решила, на «ты» мы или нет. Позавчера он был братом подруги с насосом. Сегодня больница придала ему значение, которого он, кажется, не собирался на себя брать.

— В другом отделении. Но я пришёл с Рикой. Про лечение лучше спросить Кобаяси-сан.

— Я не про лечение.

Он кивнул.

— Тогда да. Здесь.

Я почувствовала облегчение от того, что разговор можно оставить таким коротким. Мне не хотелось пересказывать ещё одному человеку, сколько я спала и что ела. Ещё меньше хотелось понравиться ему, перечисляя хорошие показатели своего здоровья.

Рика полезла в сумку за маленьким ручным вентилятором. Он запутался проводом в её ключах. Мы втроём пытались освободить его, пока не выяснилось, что надо просто отпустить брелок. Тору сделал это последним, хотя всю дорогу очень уверенно советовал мне повернуть штекер.

— Ты сложные узлы умеешь? — спросила я.

— До сегодняшнего дня думал, что да.

Он рассмеялся. Я услышала его смех впервые: короткий, с тихим вдохом в конце. И совершенно зря посмотрела на его рот.

Рика спросила, забрать ли ей ключ от квартиры. Я отдала. Она завтра могла приехать только после обеда, утром у неё была работа. Сказала это виновато, и мне стало нехорошо.

— Рика, ты не обязана меня забирать.

— Я знаю. Я хочу. Просто после двух.

Вошла Киносита. Посещение закончилось. Я всё ещё держала раскрытую книгу и не успела спросить Тору ничего такого, что позволило бы потом вспомнить разговор без выдумок.

Он задержался у двери.

— Позавчера получилось доесть? — спросил он.

— Что?

— Те два рисовых камня.

Я кивнула.

— Они стали обычными онигири.

— Хорошо.

Его лицо было серьёзным, но я уже знала, где начинается улыбка.

После их ухода я нашла в книге страницу, которую мы снимали. Прочитала весь маленький отрывок. Затем ещё один. Сёнагон раздражало, когда вещь почти закончена, а потом выясняется, что надо переделывать.

Я устроилась удобнее.

Сэй, — написала я в заметках. — *У нас теперь можно редактировать подписи после отправки. Кажется, это должно было сделать нас гораздо счастливее.*

Ниже добавила:

Не помогло.

Мне захотелось отправить это Рике, но она уже прислала фотографию своей руки, зажатой ремешком сумки в автобусе. Подпись была: «Моя очередь заботиться о себе. Прежде всего надо освободиться».

Я рассмеялась так громко, что заглянула Киносита.

— Всё в порядке?

— Да.

Она посмотрела на меня и тоже немного улыбнулась.

Потом телефон завибрировал ещё раз. Эри.

«Кай приедет к вечеру. С небольшим сюрпризом. Ничего делать не нужно».

Я перечитала последнее предложение и поставила телефон на зарядку.

Глава 4. Цветы до трёх

Кай вечером не приехал.

Эри написала, что у него затянулась работа. Он сам прислал сердечко и фотографию пробки, которая могла находиться в любом городе, где люди ездят на машинах.

Мама приехала.

Она не фотографировала дорогу. Просто вошла, посмотрела на меня и села так близко, что я почувствовала запах средства для волос на её рукаве. За день она успела подстричь нескольких людей, выслушать их истории и приехать сюда. Я не знала ни одной из этих историй. Мама знала о моём дне больше, чем я успела ей рассказать.

Мы почти не говорили. Она поправила шнур у зарядки, спросила, не натирает ли браслет на запястье, а потом призналась, что очень хочет есть.

— Иди поешь, — сказала я.

— Сейчас ещё посижу.

Она посидела. Перед уходом положила на край кровати ладонь, а я накрыла её своей. Мама посмотрела на наши руки с удивлением, будто я сказала что-то на языке, которым давно не пользовалась.

На следующее утро мне сообщили, что можно готовиться домой.

Я начала собираться сразу. Упаковала вещи Рики, зарядку, косметичку Эри, больничные бумаги, которые попросили сохранить. Книгу оставила сверху. Хотелось наконец надеть свою одежду и одновременно было немного страшно возвращаться в квартиру, где всё будет выглядеть так, будто ничего не произошло.

Эри позвонила, когда я застёгивала сумку.

— Кай всё-таки заедет. Буквально на пятнадцать минут.

— Рика заберёт меня после двух.

— Успеем раньше. Ты уже можешь переодеться?

Я посмотрела на футболку.

— Я и переодеваюсь.

— Отлично. Только, если есть, надень ту светлую. Так спокойнее.

В светлой футболке я казалась человеком, который тихо идёт на поправку. В тёмной, видимо, могла обмануть ожидания аудитории.

Первый букет принесли без Кая.

Женщина в маске, с пропуском посетителя, поставила его на тумбочку и попросила расписаться. Я взяла ручку.

— Здесь?

— Нет, это на доставку. Вот тут, пожалуйста.

Она закрыла ладонью нижнюю половину листа, пока я искала строку.

Букет был белым. Очень белым. Розы, какие-то длинные ветви, прозрачная упаковка, лента. Я наклонилась понюхать и ничего не почувствовала.

— Они без запаха? — спросила я.

— Для помещения удобнее, — ответила женщина.

Потом пришёл второй букет. И третий.

Когда занесли четвёртый, я встала, чтобы освободить стул. На полу стало тесно. Ваза в четвёртом букете оказалась не вазой, а тяжёлой подставкой с мягкими наклейками снизу. Я случайно приподняла край и увидела маленькую белую полоску с номером.

Женщина быстро развернула подставку номером к стене.

— Куда лучше? — спросила она.

— А сколько их?

— Сейчас ещё два.

Я посмотрела на стул, с которого только что встала, и отступила.

Эри появилась вместе с последними цветами. Сняла лёгкую куртку, посмотрела на комнату и сказала:

— Красиво.

Я стояла между сумкой и тумбочкой. Сидеть стало негде, кроме кровати.

— Что это?

— Кай хотел тебя порадовать.

— У него получилось загородить холодильник.

Эри передвинула один букет. Белые цветы зашевелились, и ветка упруго выпрямилась под её рукой.

Я тронула лепесток. Ткань. Хорошая, тонкая, очень убедительная на расстоянии вытянутой руки.

— Они искусственные?

— Часть. Здесь не нужно никаких лишних аллергенов. Мы подумали.

Вошла Киносита.

Она остановилась. Посмотрела на цветы, потом на меня, потом снова на цветы.

— Проход должен быть свободен.

Эри тотчас убрала самый ближний букет.

— Конечно. Мы ненадолго.

— Я говорю не о времени.

Женщина с доставкой прижала папку к груди. Я вдруг поняла, что она ждёт не моей радости, а возможности закончить работу.

— Уберите то, что стоит на полу, — сказала Киносита. — В коридоре оставлять тоже нельзя. И посетителей одновременно не больше двух.

Эри открыла рот и закрыла. Женщина с папкой начала выносить подставки. Я взяла ближайшую, и Киносита велела мне сесть.

— Тогда мне надо убрать этот, — объяснила я. — Он на стуле.

Несколько секунд мы все двигались по одной маленькой комнате, стараясь не столкнуться. В итоге четыре букета остались у стены, два унесли обратно, а Эри разрешили дожидаться ещё одного человека при условии, что у нас не будет съёмочной группы.

— Никакой группы, — сказала Эри.

Кай вошёл через минуту с собственным телефоном.

— Вот ты где, — произнёс он мягко.

Меня это почему-то разозлило сильнее цветов. Я была именно там, куда ему сообщили прийти.

Он наклонился, поцеловал меня возле виска и задержался. Его щека была прохладной. В зеркале на дверце шкафа отражалась рука Эри.

— Не снимай, — сказала я.

Рука опустилась.

Кай отстранился.

— Мы просто хотели показать, что ты в порядке.

— Я скажу сама.

— Хорошо, скажи.

Он протянул мне телефон.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что он не шутит.

Эри присела рядом. Взяла телефон у Кая и положила экраном вниз.

— Давайте спокойно. Мио, одно короткое фото. Без медицинских подробностей, без названия места. Ты уже одета, мы не будем тебя задерживать. И потом ты едешь домой.

За дверью проехала тележка. Колёсико стукнуло о порожек. Я подумала о Рике, которая придет через час после своей работы, о сумке, которую ещё надо донести, о пропущенных сообщениях. Одно фото означало, что эта часть закончится.

— Одно, — сказала я. — И до публикации покажете мне.

— Конечно.

Кай сел на край кровати. Я отодвинулась, чтобы он не касался бедром моего колена. Эри попросила нас сесть ближе. Я посмотрела на неё.

— Так нормально, — быстро сказала она.

На снимке наши плечи всё равно соприкасались. У камеры был свой взгляд на расстояние между людьми.

Кай держал мою руку. Я позволила. Мне хотелось поскорее закончить и выйти из комнаты. Чувство было знакомым; обычно я называла его профессионализмом.

Мы посмотрели фотографию.

На ней я была бледная, но хорошенькая. Цветов казалось больше, чем осталось на самом деле. Кай смотрел не в камеру, а на меня, и это было сделано превосходно.

Я увеличила угол.

— Здесь браслет виден. Убери.

Эри обрезала край, показала снова.

— Так?

Я кивнула.

Пока она писала подпись, Кай наклонился ко мне.

— Вот. Можешь же.

Я убрала руку из его ладони.

Он провёл пальцем по моему запястью, словно поправлял то, что испортилось.

— Не надо, — сказала я.

— Что?

— Трогать меня сейчас.

Кай посмотрел на Эри. Она продолжала печатать. Тогда он пожал плечами и встал.
— Выздоровливай. У меня ещё работа.

На этот раз в его голосе не было тепла. Я благодарно приняла хотя бы ясность.

Он ушёл. Эри задержалась у двери.

— Не злись на него. Он не очень умеет, когда волнуется.

— Зато когда снимается, умеет всё.

Она провела рукой по краю рукава.

— Отдохни сегодня. Вечером не буду звонить.

Это было лучшее, что она сказала за день.

Мне вернули пространство возле кровати, но не саму комнату. Цветы занимали её очень уверенно. Я села, раскрыла книгу, не прочитала ни строчки и снова посмотрела на цветы.

Они не вяли. Не пахли. Не нуждались в воде.

Я попробовала представить, что буду с ними делать дома. Где поставлю четыре огромные композиции, если для одного нормального ужина приходится освобождать стол. Можно было подарить бабушке, но я уже слышала её вопрос: «А что с ними случилось?»

В дверь постучали.

Это был Тору. В руке у него был бумажный пакет, маленький, с тёмным пятном возле сгиба. Он увидел комнату, замедлился и перевёл взгляд на меня.

— Рика сейчас подойдёт, — сказал он. — Задержалась на выходе. Я уже закончил, она попросила помочь с вещами.

— Заходи.

Он посмотрел, куда можно поставить пакет, потом почему-то оставил его у двери, снаружи, рядом со своим рюкзаком.

— Много привезли, — заметил он.

— Это ещё не все.

Он кивнул.

Мне хотелось объяснить. Но объяснение начиналось с того, что человек, который публично называется моим парнем, на самом деле мне не парень. Продолжалось тем, что я всё-таки согласилась на фотографию. Заканчивалось неизвестно чем. Для третьего разговора с братом подруги это было слишком подробное знакомство.

— Я выздоравливаю в большом количестве, — сказала я.

Тору улыбнулся, но не стал подхватывать.

Он спросил, всё ли собрано. Я показала на сумку. Он подвинул её ближе к двери и сел на освободившийся стул. Букет за его плечом закрывал часть окна.

Рика пришла вместе с женщиной, которая доставляла цветы. На этот раз у женщины была складная тележка и большой тканевый чехол.

— Мы забираем, — сказала она.

— Что? — спросила я.

Она показала на композиции.

Рика медленно повернула голову ко мне. Я посмотрела на Тору. Он встал, освобождая проход.

— Прямо сейчас? — спросила я.

— До трёх. У нас следующая доставка.

Женщина сказала это без всякого желания меня обидеть. Она открыла чехол, нашла номер на подставке и сверилась со списком. За ней вошёл помощник.

Рика тихо спросила:

— Они взяты напрокат?

Я не ответила. Женщина приняла вопрос на свой счёт.

— Да. На съёмку. Четыре здесь, два уже в машине.

Она подала мне бланк.

— Только подпись о возврате. Вот тут.

Я подписала.

Помощник понёс первый букет. Потом второй. Из-под белых цветов появилась тумбочка, из-за ветвей — окно. Комната стала обычной быстрее, чем я успела решить, что чувствую.

— Спасибо, — сказала женщина.

— Пожалуйста, — ответила я.

Мы ещё и поблагодарили друг друга.

На телефоне всплыло уведомление. Кай отметил меня в публикации.

На фотографии он держал меня за руку среди цветов. В подписи обещал быть рядом столько, сколько понадобится.

Рика потянулась к моему телефону, но я не отдала.

Смотрела сама.

В комментариях писали, что мне повезло.

— Идём? — спросил Тору.

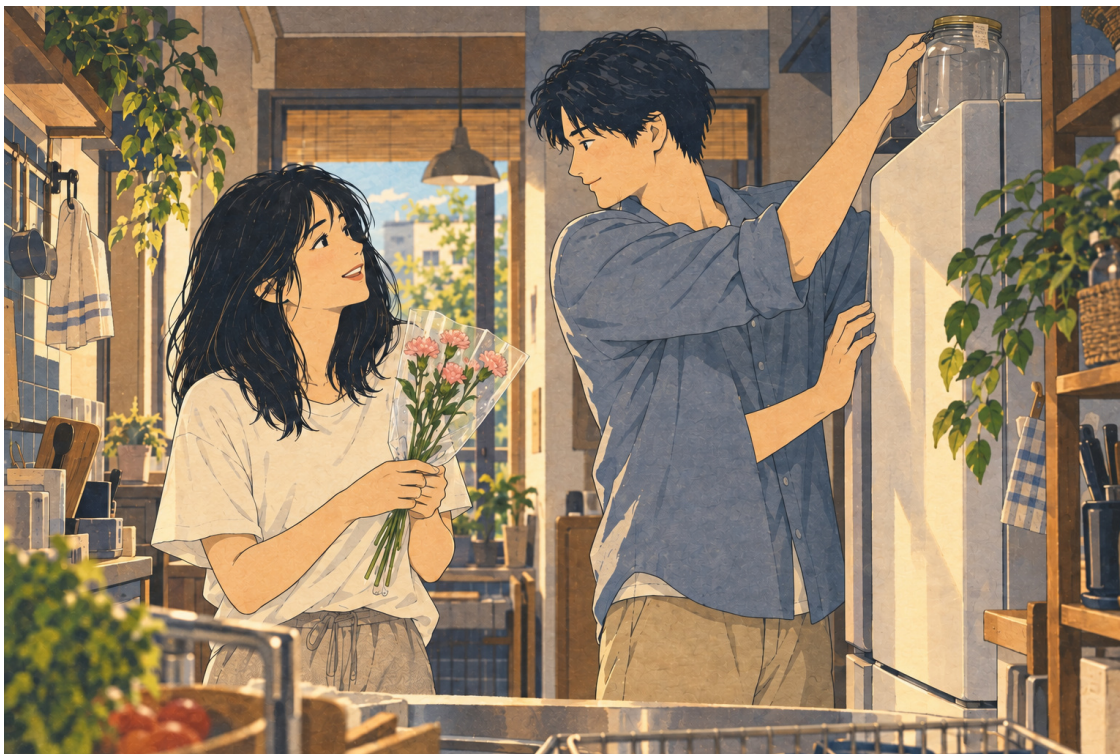
Он уже держал мою сумку. Другой рукой придерживал дверь, потому что помощник возвращался за пустым чехлом.

Я положила телефон в карман и взяла книгу. На подоконнике остался белый лепесток. Хотела подобрать, но он был пришит к почти невидимой нитке, которая тянулась за последним букетом.

Помощник заметил, вернулся и аккуратно освободил нитку.

Даже лепесток требовалось вернуть.

Глава 5. Четыре стебля

Внизу Рика сказала, что я пахну больницей.

— Спасибо, что не в лифте, — ответила я.

— Я там и поняла. Теперь можешь спокойно помыться дома.

Она несла папку с моими бумагами так, будто собиралась по дороге защитить диссертацию о чужой неорганизованности. Тору взял сумку и свой рюкзак. Маленький бумажный пакет торчал у него из бокового кармана. Из пакета выглядывал смятый кусочек прозрачной плёнки.

Мы дошли до места, где можно было сесть в такси. Рика проверила телефон и выругалась вполголоса.

— Они прислали звук без второго канала.

— Кто?

— Люди, которые очень ждут сегодня готовое видео.

Она отступила к стене, чтобы никому не мешать, и стала записывать сообщение. Голос сразу сделался деловым и доброжелательным. Я знала, сколько сил стоит именно этот голос.

Тору поставил сумку между нами.

— У тебя дома есть еда?

— Осталась чашка чая.

Он взглянул на меня.

— На столе?

— Надеюсь, Рика вытерла.

Я впервые за день рассмеялась без усилия. Потом у меня задрожали губы.

Это было ужасно не ко времени. Рядом стояли незнакомые люди. Подъехала машина. Я уже не была в палате, где можно плакать без объяснений. Пришлось отвернуться и сделать вид, что ищу салфетку.

Тору ничего не спросил.

Чуть отодвинулся, загородив меня от входа собственным плечом, и посмотрел в другую сторону.

Я нашла салфетку. Сморгнулась. Очень громко.

— Извини.

— За что?

— За звук.

Он всё-таки посмотрел на меня.

— Машина громче.

Рика вернулась, убрала телефон в карман и сказала, что сходит за едой у моего дома. Тору поможет поднять вещи, а она принесёт то, что можно есть без производственного совещания.

В такси я села у окна. Рика села рядом, а её брат — впереди. Мне было странно видеть свой город с этой высоты и в таком состоянии. Мы ехали мимо мест, которые существовали без меня два дня: открытые двери магазина, женщина с пакетом длинного зелёного лука, велосипедист, дожидавшийся зелёного сигнала у перехода. Никто не делал вид, что наступила прохлада. На остановке мужчина прижал к шее маленькое полотенце.

Мне хотелось тоже. Я прижала к шее ладонь.

Рика уснула до первого длинного светофора. Голова у неё клонилась вперёд, потом резко поднималась, и она открывала глаза с таким выражением, будто собиралась возразить. Я подставила плечо. Она воспользовалась им сразу, не проснувшись.

Дома стало ясно, что за два дня вещи умеют выглядеть брошенными.

Камера всё ещё стояла у стены. На столе был чистый круг там, где мы вытерли чай, и тёмное пятно под доской. Наволочка высохла. Пакеты на кухне остались ровно в том состоянии, в каком я их оставила, но теперь почему-то казались чужим неряшливым решением.

— Не смотри, — сказала я Тору.

Он остановился в прихожей.

— Куда?

— Вообще.

— Это затруднит доставку.

Я показала на пол возле шкафа. Он поставил сумку и спросил, можно ли открыть окно. Я разрешила. В комнату вошёл тёплый воздух и шум улицы, поэтому через минуту мы снова включили кондиционер.

Тору снял рюкзак. Пакет положил рядом с ним, у стены. Я проводила его взглядом.

— Там что-то мокрое?

Он посмотрел на пятно.

— Кажется.

— Можно на кухню. Не надо ставить на дерево.

Он взял пакет, понёс к раковине. Плёнка зацепилась за край, и наружу выскользнули маленькие розовые цветы.

Я замолчала.

Тору поправил упаковку. Было видно четыре стебля. На одном держался лепесток, смятый так, будто его зажали дверью.

— Это тебе, — сказал он.

Произнёс просто, но не совсем спокойно. Я услышала разницу.

— Мне?

— Да. Я купил по дороге. Потом увидел, сколько уже привезли.

Он посмотрел на цветы так, словно они могли помочь закончить фразу.

Я протянула руку.

Он отдал сразу.

Упаковка была влажной снизу. Внутри стояла маленькая пластиковая ёмкость с водой, накрытая плёнкой вокруг стеблей. Один лист загнулся. Я расправила его ногтем и вдруг почувствовала, как сильно мне хочется, чтобы Тору перестал смотреть на собственную неудачу.

— Те увезли, — сказала я.

— Я видел.

— А эти?

Он не сразу понял.

Я подняла на него глаза.

— У этих нет времени возврата?

Тору выдохнул через нос. Я уже знала этот короткий смешок.

— Нет. Но лучше найти что-нибудь без дырки.

Мы стали искать вазу.

У меня было три предмета, которые на фотографиях выглядели как вазы. У первого оказалась негерметичная глазурь. Второй принадлежал заказчику и не был предназначен для воды. Третий стоял высоко на холодильнике, потому что мне не нравилось, как он выглядит в кадре.

Тору достал его.

— Этот?

Это была толстая стеклянная банка с закручивающейся крышкой. В ней бабушка передала мне солёные сливы, которые давно закончились. На крышке оставался кусочек бумажной наклейки.

— Этот держит всё, — сказала я.

Мы вымыли банку. Сняли со стеблей то, что мешало. Тору спросил про ножницы, я показала на коробку под столом, и он не задал ни одного вопроса о том, почему они там. Букет получился низким и немного перекошенным.

Я поставила его на подоконник.

Потом сразу убрала в тень: там было слишком жарко.

Тору наблюдал за перестановкой.

— Сейчас свет не нужен? — спросил он.

— Сейчас вода важнее.

Мне понравился ответ. Захотелось записать его. Я удержалась не из принципа, а потому, что телефон лежал далеко.

Он вдруг сказал:

— Я не очень умею выбирать цветы.

— Мне нравятся.

— Хорошо.

Наступила короткая пауза. В ней было что-то такое, от чего мы оба посмотрели на банку ещё раз.

Вернулась Рика и разом заняла всю кухню.

— Кто-нибудь видел ножницы?

— Только что, — сказала я.

Она достала контейнеры, рис, небольшой тофу, жареные баклажаны и порцию салата, который выбрала потому, что он лежал дальше всего от отдела с красивыми коробками.

— Всё обычное, — объявила она. — Разогреть можно. Фотографировать не обязательно. Я очень голодная.

Мы освободили стол.

Это заняло больше времени, чем должно занимать освобождение стола. Камера мешала поставить тарелку, тарелка — положить документы, документы пришлось убрать в папку, но папку я уже засунула в сумку. Тору хотел помочь и переместил ноутбук на стул, на который как раз собралась сесть Рика.

— Не тебя я выгоняю, — объяснил он.

— Надеюсь. Я принесла обед.

В итоге ели втроём с разных тарелок, потому что одинаковые всё ещё были завернуты в бумагу для возврата заказчику.

Тофу оказался холодным и гладким. Баклажаны пахли соусом и чуть-чуть маслом. Рика взяла кусок, уронила, подхватила снова и съела. Я тоже потянулась к баклажанам.

— Хорошо, — сказала я.

Она подняла глаза.

— Еда?

— Да.

— Конечно. Её специально делают.

Тору принялся смеяться и едва не подавился рисом. Рика подала ему чай с выражением человека, которому давно надоело спасать старшего родственника от элементарных трудностей.

После обеда ей пришлось уйти. Она ещё раз спросила, точно ли я нормально себя чувствую, заставила показать, где лежат бумаги из больницы, и попросила не забыть записаться на контрольный приём, рекомендованный при выписке.

— Я вернусь завтра, — сказала она. — Забрать камеру. А ты можешь быть дома или не быть. Только напиши.

Она поцеловала меня в макушку, забрала ноутбук и ушла. В прихожей стало тихо.

Тору стоял у стола с пустой тарелкой.

— Я тоже пойду.

Я хотела предложить ему чай. Чай уже был. Хотела сказать, что он может остаться. Не знала, на какое время это предложение и что нам тогда делать. Мне нравилось, что он стоит у моего стола с тарелкой, но объяснять это было преждевременно.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул. Поставил тарелку в раковину, обернулся, поискал взглядом пакет и вспомнил, что тот пустой.

Я взяла телефон.

— Давай обменяемся LINE.

Он посмотрел на меня. Прямо. От этого мне пришлось продолжить:

— Чтобы написать, как цветы.

— Хорошо.

Он достал телефон. Чехол был тёмный и немного потёртый по углам. Пока открывал приложение, я успела подумать, что слишком долго держу экран QR-кода перед собой. Получалось что-то среднее между знакомством и попыткой принять оплату.

Тору навёл камеру. Появился новый контакт.

На фотографии у него был камень.

— Это ты? — спросила я.

— Плохой день.

Я рассмеялась. Он убрал телефон, и мне захотелось, чтобы он не убирал так быстро.

— Вообще это место, куда я ходил, — добавил он. — Но сам снимок не очень удачный.

Я приблизила картинку. На ней и правда был большой плоский камень, кусок тропы и зелень. Ни одного человека.

— Горизонт завален.

— Я стоял на склоне.

— Это объясняет, но не оправдывает.

Он улыбнулся.

— Учту.

Мы дошли до двери. Он снова надел кроссовки без всякой спешки. Я уже знала, что ему нравлюсь хотя бы достаточно, чтобы купить четыре стебля, но всё равно не могла придумать, как завершить разговор.

— Ты всегда такой? — спросила я.

Он поднял голову.

— Какой?

Вот теперь надо было либо сказать правду, либо придумать что-то быстрое. Быстрое обычно побеждало.

— Сдержанный на фотографии.

Тору посмотрел на свой телефон.

— Нет. Иногда попадается дерево.

Я проводила его до лестницы. Из открытого окна на площадке тянуло тёплым воздухом. Где-то внизу захлопнулась дверь, и мы оба посмотрели на звук.

— Напиши, если захочешь, — сказал он.

— Про цветы?

— Можно не про них.

Он ушёл.

Я вернулась в квартиру, закрыла дверь и какое-то время стояла, прислонившись к ней спиной. Никто не сказал мне улыбаться. Я улыбалась и без подсказки, но, когда увидела себя в зеркале, сразу перестала. Было непривычно застать собственное лицо без подготовки.

Потом я приняла душ.

Сняла макияж, вымыла волосы, долго стояла под водой. На щеке под тональным средством обнаружился маленький синяк. Я тронула его осторожно и вспомнила гравий, которого почти не помнила.

Выйдя, надела сухую футболку, ту самую, которой накрывала подушку. Она пахла моей квартирой. Поставила цветы на стол, взяла телефон и сняла их.

Ничего не передвинула.

На заднем плане были видны контейнер от салата и край больничной папки. Я могла обрезать. Не обрезала, потому что отправляла одному человеку, который всё это уже видел.

«Пока живы», — написала я.

Ответ пришёл не сразу.

Я успела проверить Эри, сообщения от мамы, два рабочих письма и ещё раз собственную фотографию. Нашла три вещи, которые сделала бы иначе. Потом телефон звякнул.

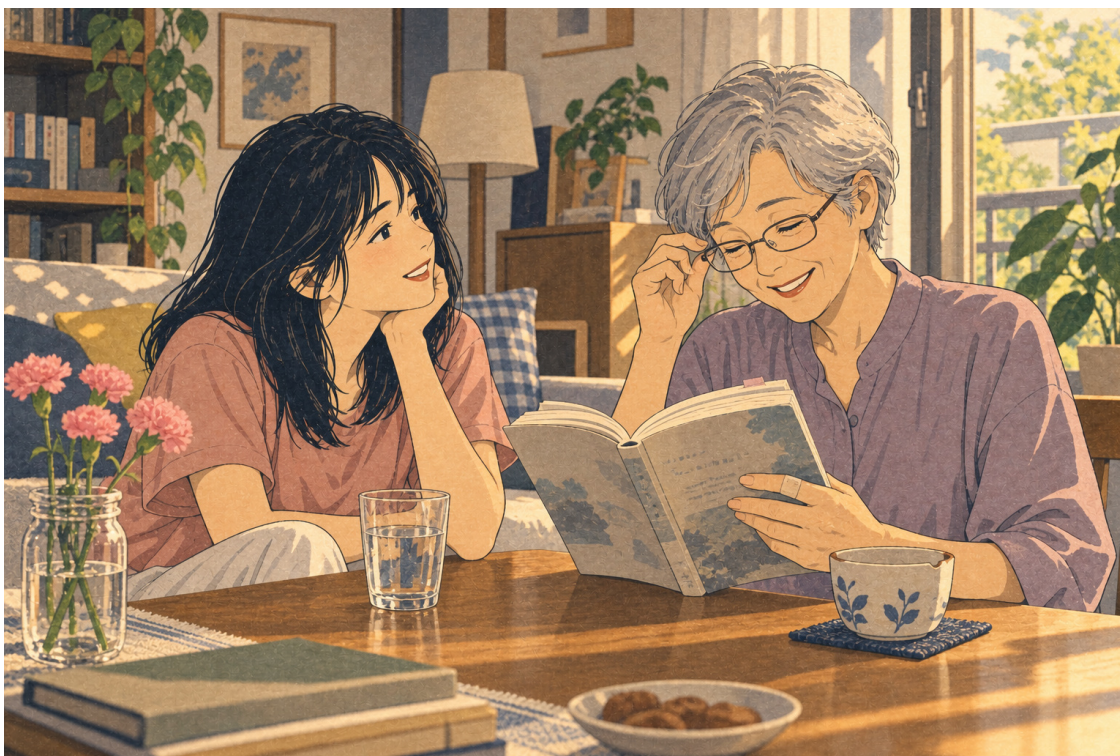
Тору написал:

«Хорошо. Мне тоже понравился обед».

Я перечитала. Положила телефон на стол. Подняла снова.

В этот раз мне не хотелось исправлять уже отправленное.

Глава 6. Бабушка читала иначе

В воскресенье бабушка пришла с маленьким пакетом и большим недовольством.

Недовольство относилось к лифту. Кто-то удерживал его на первом этаже, пока разговаривал, а бабушке пришлось стоять рядом и решать, насколько громко в её возрасте прилично кашлять.

— Можно было попросить, — сказала я.

— Я попросила.

— И что?

— Он сказал: «Одну секунду». Я за это время успела прожить часть старости.

Она сняла обувь, посмотрела на коробки и спросила, есть ли у них какая-нибудь дальнейшая цель.

— Возврат, — объяснила я.

— Тогда поставь ближе к двери.

— Они у двери.

— Значит, с другой стороны.

Харуэ Саэки не считала квартиру фотографией. Если вещь мешала пройти, у неё исчезло право на существование независимо от цвета и цены.

В пакете была еда. Ещё два яблока, конверт от мамы и носки, которые я когда-то оставила у бабушки. Из этих вещей она первой выложила носки.

— Это не наши, — сообщила она.

— Я поняла.

— Дед их надел.

— Ему подошли?

— Нет. Поэтому и выяснилось.

Я рассмеялась. Бабушка села за стол, заметила цветы и потянулась проверить банку.

— Воду поменяла?

— Утром.

— Хорошо.

Она поставила банку обратно и не спросила, от кого. Мне очень захотелось сказать. Я не сказала, потому что боялась услышать в собственном голосе то, что уже было слышно.

Бабушка нашла книгу под папкой из больницы.

— Вот она где.

— Я читаю.

— Вижу.

— Правда читаю.

— Mio, я не проверяю.

Она открыла обложку и провела пальцем по волнистому краю.

— Чай?

Я кивнула.

— Это хорошо. Значит, рядом был чай.

В бабушкином представлении книга могла запачкаться, загнуться, упасть за кровать или провести несколько месяцев раскрытой на одном месте. Ей не нравилось только, когда на книгу ставили что-то горячее и не замечали. Она говорила, что это уже вопрос отношения к столу.

Я принесла ей холодный чай и себе воды. На этот раз чашки нашлись сразу, хотя одинаковыми они опять не были. Бабушка выбрала широкую, с отколотым краем.

— Эта некрасивая, — предупредила я.

— Зато пить удобно. Только повернуть.

Она повернула.

У бабушки была способность разрешать небольшие проблемы способом, из-за которого мне становилось неловко за масштаб предварительных размышлений.

— Ты почему написала здесь «Твоя мать»? — спросила я.

Я нашла пометку. Бабушка взяла книгу и поднесла ближе к лицу.

— Где очки?

Они были у неё на голове. Я не стала говорить сразу: мне хотелось хотя бы иногда выигрывать.

Она сама их нашла, прочитала абзац и улыбнулась.

— А, это. Аяко всегда спешит закончить за другого человека.

— Ты тоже.

— Да. Она у меня научилась.

Я ожидала возражения. Пришлось отпить воды.

Бабушка полистала ещё.

— Ты не все мои пометки принимай всерьёз. Некоторые я сделала, когда была сердита.

— А эти?

— Эти правильные. Я и сейчас сердитая.

За окном проехала машина с открытыми окнами. Кто-то в ней смеялся. Бабушка на секунду подняла голову и прислушалась, а я смотрела на её пальцы, лежавшие на полях. На одном суставе был наклеен маленький пластырь. Я спросила, что случилось.

— Порезалась.

— Чем?

— Коробкой.

Я посмотрела на свою прихожую.

— Они начинают.

Бабушка не поняла, потом проследила за моим взглядом и засмеялась. Когда она смеялась по-настоящему, у неё сначала закрывались глаза, а потом уже появлялся звук.

Я вдруг вспомнила себя в четырнадцать лет: снимаю её на телефон, прошу повторить, потому что в первый раз нажала поздно. Она повторяет, уже не так, и я раздражаюсь. Мне хотелось сохранить смешную бабушку. Вторая попытка портила именно то, что я собиралась сохранять.

— Ты помнишь, как я всё снимала? — спросила я.

— Ты и сейчас всё снимаешь.

— Раньше.

— Помню. Ты запрещала мне пить до того, как закончишь.

— Правда?

— Конечно. Чай остывал. Я поэтому и начинала без тебя.

Мне стало стыдно, но бабушка уже искала в книге другой отрывок. Не собиралась воспитывать меня до полного исправления.

Мой первый популярный ролик был вовсе не про спокойную жизнь. Я пела на кухне, пока мама резала капусту. В какой-то момент она повернулась и попросила взять другую ноту, потому что эта, по её мнению, мешала ножу. Мы обе рассмеялись. Ролик переслали столько раз, что мама потом спрашивала, нельзя ли его как-нибудь забрать обратно.

Но к тому времени ей уже нравилось, что в салоне её узнают как мою маму.

Мне нравилось ещё больше.

Первые подарки от маленьких магазинов, первые предложения, первые письма, которые начинались с моего имени, напечатанного без ошибки. Я узнала, что можно заработать тем, что умеешь нравиться и замечать детали. В школе это не считалось особенно серьёзным сочетанием умений. В интернете за него благодарили.

Я сама хотела продолжать. Никто не отнимал у меня телефон и не заставлял нажимать кнопку против воли. Мама читала условия, следила, чтобы меня не обманули с оплатой, ругалась, когда я поздно ложилась. А я доказывала, что это уже работа и она не понимает.

Теперь мама понимала слово «охваты». Иногда мне хотелось вернуть время, когда она путала его с охватом талии.

Бабушка нашла страницу.

— Вот это мне нравится.

Она передала книгу.

Там ждали ответа на письмо, старательно написанное и красиво сложенное. Ждали так долго, что я сразу представила телефон, лежащий экраном вверх возле подушки. В конце посыльный приносил обратно то же самое письмо, нераспечатанное, зато уже порядком залапанное: адресата не было дома.

— Ну конечно, — сказала я.

— Что?

— Нам с ней надо было просто чем-то заняться.

Бабушка посмотрела на меня поверх очков.

— А ты попробуй.

Я посмотрела на телефон. Тору сегодня ещё не писал. Вчера вечером мы обменялись несколькими сообщениями: он спросил, нашлась ли наволочка, я отправила фотографию застеленной подушки, он ответил, что прогресс значительный. Это был разговор, который при пересказе звучал бы так глупо, что я не хотела никому его пересказывать.

— Она местами ужасная, — сказала я, перелистывая книгу.

— Кто?

— Сёнагон. Я думала, буду читать про наблюдение и покой. А она всё время замечает, кто как выглядит и кто не так себя повёл.

— Это тоже наблюдение.

— Но какое-то недоброе.

— Иногда.

Бабушка не защищала её. Не говорила, что я слишком молода, чтобы понять. От этого спорить стало интереснее.

— Мне её дали в школе вместе со словами, которые надо было разобрать, — сказала я.

— Я запомнила, что весной надо любить рассвет.

— А ты не любишь?

— Я люблю спать.

— Вот и напиши.

— Куда?

Бабушка пожала плечами.

— Ты же постоянно пишешь.

Я постоянно писала подписи, ответы, объяснения, правки. Иногда записывала голосом мысль, а потом несколько раз переслушивала, чтобы решить, не слишком ли она длинная. Всё, что я писала, куда-то отправлялось. Даже список продуктов обычно уходил Рике с просьбой проверить, не забыла ли я что-то очевидное.

Написать, что я люблю спать, было несложно. Я сразу представила короткое видео. Светлое постельное бельё, край книги, сонное лицо, шутка про тысячу лет.

Бабушка отодвинула к себе банку с цветами.

— Можешь не показывать, — добавила она.

Я посмотрела на неё.

— Тогда зачем?

Слова вырвались быстрее, чем я поняла, что спрашиваю.

Бабушка не ответила сразу. Попила чай, поставила чашку. На отколоте крае осталась капля.

— Я эти пометки сначала для себя делала, — сказала она. — Ты потом появилась.

Я посмотрела на карандашные кружки. На «Я тоже». На сердитую маму между страницами. Бабушка была бабушкой все двадцать три года моей жизни, но сама прожила до этого почти пятьдесят, и большая их часть мне не принадлежала.

— Сколько тебе тогда было? — спросила я.

— Когда купила? Не помню точно. Твоя мать ещё дома жила. Мы часто ссорились.

— Из-за чего?

Она посмотрела в окно.

— Из-за того, что обе считали себя взрослыми, а признавать другой такое же право не собирались.

Это звучало знакомо. Я хотела спросить ещё, но бабушка уже открыла контейнер с едой и уточнила, почему в холодильнике пустая коробка.

— Она не пустая. Там соус.

— Где?

— В маленьком пакетике.

Харуэ внимательно посмотрела на огромный контейнер, в котором лежал один крошечный пакетик.

— Просторно ему.

Мы поели. Потом бабушка попросила помочь увеличить буквы в телефоне. Я сделала, а она велела вернуть немного обратно: теперь сообщение занимало весь экран и производило впечатление скандала.

Пока я меняла размер, увидела на заставке нас троих — маму, бабушку и меня. Снимок был старый. Мама шурилась, я смотрела в сторону, бабушка держала пакет перед животом. У меня хранились варианты получше, я точно ей отправляла.

— Почему ты поставила этот?

— Здесь мы успели до дождя.

Я вернула телефон.

После её ухода квартира не стала тихой сразу. Сначала я убрала посуду, потом сложила пакеты, потом нашла место носкам. Позвонила маме и сказала, что дома всё нормально.

Она уже знала. Бабушка успела сообщить.

— Завтра работаешь? — спросила мама.

— Немного.

— Эри сказала, не будет ничего тяжёлого.

Я села.

— Мама, не надо спрашивать у Эри про меня.

Она помолчала.

— Ты мне не отвечала.

— Я знаю. Прости. Но теперь спрашивай меня.

— Хорошо.

Она произнесла это тихо, без удовольствия. Я не чувствовала себя победительницей. Просто продолжала держать телефон.

Мы поговорили ещё немного. Мама рассказала про женщину, которая принесла в салон фотографию собственной причёски десятилетней давности и расстроилась, что вместе с волосами нельзя вернуть всё остальное. Потом спохватилась: «Ты же это не выложишь?»

— Нет.

— Имени я не называла.

— Всё равно не выложу.

После разговора достала из ящика тонкую тетрадь. Её прислали год назад в подарочном наборе, и я показывала обложку в видео, но внутри не было ничего, кроме даты съёмки.

На первой чистой странице написала:

То, что хочется исправить у женщины, жившей тысячу лет назад.

Подумала и зачеркнула «исправить». Написала «спросить».

Сэй, ты когда-нибудь была слишком занята, чтобы заметить собственный день, но достаточно свободна, чтобы ждать, заметит ли его кто-нибудь ещё?

Почерк получился неровным. Я давно не писала ничего длиннее адреса от руки. Последнее слово съехало вниз. На экране я бы выравнивала весь абзац.

Я оставила как есть.

Потом на другой строке написала:

А рассвет весной я, возможно, люблю. Просто пока не проверяла без необходимости куда-нибудь ехать.

Телефон звякнул.

Тору прислал фотографию камня. Того же самого, но целиком. Рядом оказался второй, меньший, и кусок тропы уходил вправо, в густую зелень.

«Нашёл исходник. Здесь тоже криво».

Я засмеялась.

Ответила: «Можно исправить».

Подождала секунду и добавила: «Но мне нравится».

На этот раз второе сообщение отправить было труднее первого.

Глава 7. Бережно, но к среде

В понедельник Эри спросила, готова ли я возвращаться постепенно.

Постепенно означало видеозвонок в одиннадцать, согласование в час и один небольшой материал к вечеру. Вечер обещали не трогать, если материал получится сразу.

Я уже знала цену слову «если», но сказала, что попробую.

Рика забрала камеру накануне. Без неё комната выглядела менее занятой. На столе стояли цветы и ноутбук, а за столом наконец помещался человек с двумя локтями. Я села, поставила рядом воду и включила звонок.

Эри была в офисе. За ней два человека разбирали стойку с образцами ткани. Один держал край у собственного лица, другой оценивал. Иногда на заднем плане появлялся чужой локоть.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала она.

— Я выпалась.

— Сразу видно. Отлично. Давай я коротко расскажу, как мы всё перестроили.

Она включила показ экрана.

В презентации были мои фотографии из больницы. Та самая, которую сняли без спроса. Та, на которую я согласилась. Ещё один кадр из старого видео: я сидела на полу и смеялась, закрыв лицо рукой. Эри поставила их рядом, и получилось, что я постепенно возвращалась к жизни.

Старое видео было снято в мае. Тогда Рика перепутала кнопки и полторы минуты записывала собственную коленку.

— Мы не будем давить, — говорила Эри. — Самое важное — ощущение свободы. Всё в твоём темпе. Люди очень откликнулись на то, что ты разрешила себе быть слабой.

— Я ничего себе не разрешала. Я упала.

— Я понимаю. Это формулировка для нас, не для публикации.

Она перешла к следующему слайду.

«Мио. Возвращение к себе».

Под заголовком было четыре пункта. Сон. Простая еда. Прогулки. Близкий человек рядом.

Последний пункт я узнала по зелёной рубашке Кая на картинке.

— Вот этого не надо, — сказала я.

— Что именно?

Я показала на экран, хотя Эри не могла видеть мой палец.

— Кая. Пусть он занимается своим.

Она сняла наушник с одного уха, попросила кого-то за кадром говорить тише и снова повернулась ко мне.

— Его аудитория уже участвует. Будет странно, если он исчезнет.

— Он и так позавчера исчез в середине дня.

— Мио.

Она сказала моё имя устало, почти по-матерински. Мне не понравилось, что я сразу захотела говорить мягче.

— Я сейчас не хочу совместных съёмок.

— Хорошо. Сегодня не будет. В среду вернёмся к вопросу. Нам нужно закрыть то, что перенесли.

— А этот проект?

— Это способ сделать перенесённое органичным.

Эри говорила спокойно, без злорадства. Ей действительно удалось спасти несколько договорённостей. Она передвинула людей, помещения, оплату и съёмочные дни. Это была работа, которую я не видела, пока лежала под одеялом. Оттого мне было труднее сказать, что результат этой работы мне не нравится.

— Я не хочу продавать болезнь, — сказала я.

— Мы не продаём болезнь. Мы говорим о нормальной жизни после сложного момента.

Она увеличила первый слайд с чашкой.

— Вот здесь ты просто готовишь себе завтрак. Без медицинских утверждений. Никаких обещаний. Всё корректно. И мы же не скрываем партнёрство.

Я смотрела на чашку, которую снимала в среду, и вспоминала, что на том завтраке у меня не было времени поесть.

— Можно я сделаю по-своему?

— Конечно. Именно это и нужно.

Мы обе произнесли почти облегчённое «хорошо».

Затем Эри прислала обязательные тезисы.

Я прочитала их после звонка. В них не было ничего страшного. Благодарность. Напоминание о заботе. Два слова о качестве вещи. Ссылка. Отметка. Никаких медицинских обещаний. Всё помещалось в короткий ролик, если говорить чуть быстрее, чем я говорила дома.

Я встала и пошла на кухню.

Достала рис, яйцо, миску. Посмотрела на телефон, который ещё не установила на держатель. Решила сначала приготовить, потом снять, что останется. Я уже была достаточно профессиональна, чтобы понимать: это усложнит задачу.

Пока еда готовилась, написала текст.

«Спасибо всем, кто беспокоился. Я дома. Мне лучше. Сейчас возвращаюсь к обычному режиму и стараюсь не торопиться».

Получилось слишком коротко для вертикального видео и слишком обыкновенно для большой истории.

Я добавила про тихие утра. Удалила. Добавила про право остановиться. Удалила тоже. Слово «право» почему-то требовало, чтобы я смотрела в камеру дольше, чем хотелось.

Когда еда была готова, я поела.

Потом сняла кружку возле раскрытой книги и записала одну фразу в телефон. Без косметики, но после того, как трижды поправила волосы. Разница между честностью и небрежностью всё ещё казалась мне важной. Я не собиралась становиться некрасивой, чтобы убедить окружающих в серьёзности происходящего.

Эри ответила через двадцать минут.

«По настроению хорошо. Не хватает личного открытия».

Я посмотрела на сообщение.

Рика написала почти одновременно:

«Как ты?»

Я переслала ей ответ Эри.

Рика позвонила.

— Я могу помочь смонтировать, — сказала она.

— Ты занята.

— Немного. Что у тебя есть?

Я рассказала.

— А открытие?

— Я поела до того, как сняла.

Она помолчала, потом засмеялась.

— Так и скажи.

— Это про завтрак. Им нужно про жизнь.

— Mio, у тебя пока завтрак. Жизнь пришлём следующим файлом.

Я села на пол возле стола. Там было прохладнее.

— Рика, а если я вообще это не сделаю?

На другом конце стало тихо. Я слышала, как у неё работает клавиатура, потом и она перестала.

— Сегодняшнее?

— Всё это возвращение.

— Тогда надо сказать Эри.

— Я сказала.

— По-настоящему сказать.

Я провела пальцем по шву на штанине.

— Тебе за отменённое заплатят?

Рика не ответила сразу.

— За сделанное — да. За то, что только забронировали, пока обсуждают.

— Сколько там дней?

— Не начинай.

— Сколько?

— Mio, я не для этого приезжала в больницу. И сейчас звоню не за этим.

Я знала. Но наличие денег в соседнем разговоре меняло даже слова, которые говорили совершенно по другой причине.

— Я просто хочу понимать.

— Тогда понимай вот что. Я могу пережить отмену работы. Мне хуже, когда я держу дни пустыми, потому что ты каждый вечер говоришь: завтра точно будем снимать.

Мне стало жарко, хотя я сидела под кондиционером.

— Хорошо. Я скажу сегодня.

— И не обещай за меня клиентам бесплатный монтаж. Один раз уже было.

— Я потом тебе заплатила.

— Да. Но я хотела выбрать сама.

Мы помолчали. Я слышала, как Рика подвинула чашку по столу.

— Ты ела? — спросила она.

— Да.

— Тогда уже есть хорошая новость. Пришли видео, я просто посмотрю. Смотреть пока бесплатно.

После звонка я открыла переписку с Эри.

Написала, что сегодня отправлю один вариант, который готова опубликовать. Совместную съёмку в среду прошу пока не назначать. Решение по ней дам завтра до обеда. И отдельно прошу подтвердить оплату сделанного Рикой монтажа.

Три раза перечитала.

Ни один из пунктов не звучал особенно смело. Я каждый день писала людям гораздо более решительные сообщения: не тот формат, не тот размер, уберите музыку, пришлите исходник. Здесь тоже были обычные рабочие слова. Только отвечать на них предстояло человеку, которого я давно привыкла считать частью устройства своей жизни.

Я отправила.

Эри прочла почти сразу.

Ответа не было.

Я поставила телефон экраном вниз, прошла по комнате, вернулась и перевернула. Новых сообщений по-прежнему не было. Тогда открыла тетрадь.

Вчерашний вопрос к Сёнагон смотрел на меня слегка пьяным почерком.

Ниже я написала:

То, чего не видно на фотографии спокойного человека.

Два письма, которые я не открываю, потому что в них наверняка нужно что-нибудь решить.

Рикин рабочий день, который я до сих пор не подтвердила.

Сколько раз я проверила, написали ли мне, пока писала эти две строки.

Облегчение, когда кто-нибудь говорит, что я хорошо выгляжу. Даже если он не спросил, как я себя чувствую.

Желание закончить этот список чем-нибудь смешным, чтобы предыдущие пункты не приняли слишком всерьёз.

Я вернулась к заголовку. Зачеркнула «спокойного человека», перед словом «фотографии» написала «моей». Буквы пришлось втиснуть над строкой. Теперь страница хуже выглядела на фотографии.

Потом записала новое видео.

— Сегодня я сначала позавтракала, — сказала в камеру. — И только потом вспомнила, что собиралась это снимать. Поэтому у меня для вас чашка и немного риса на столе. Спасибо, что спрашивали, как я. Мне лучше.

Остановила запись. Посмотрела.

На слове «спасибо» я отвела глаза. Волосы с одной стороны лежали хуже, чем с другой. Рис на столе был виден слишком хорошо.

Я отправила Эри именно этот вариант.

Ответ пришёл через час.

«Хорошо. Это живое. По среде созвонимся завтра».

Я должна была обрадоваться.

Часть меня обрадовалась. Другая сразу услышала, как «живое» превращается в следующее задание, которое нужно будет повторить.

Я закрыла переписку и открыла контакт с камнем.

У Тору всё ещё была та же фотография. Он не счёл необходимым её менять после моей профессиональной оценки, и это почему-то радовало.

«Ты завтра вечером свободен?» — написала я.

Не стала добавлять объяснение. Нажала отправить до того, как успела придумать дело, которым можно было прикрыть вопрос.

Минут через сорок пришёл ответ:

«После семи, если закончу вовремя. Хотела куда-нибудь?»

Я смотрела на последнее слово. Хотела. Не могла выбрать, куда именно, зато наконец была уверена в глаголе.

«Есть», — написала я.

Он ответил:

«Хорошее место. Давай».

Я рассмеялась. Потом прочитала ещё раз первую часть сообщения и открыла календарь.

На вторник я вписала: «После семи». У записи не было ни адреса, ни приложенного задания.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.